

К ВОПРОСУ ОБ «ИСТОРИЧЕСКОМ ПЕССИМИЗМЕ»: ФИЛОСОФСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ

В статье с помощью средств социально-философского анализа рассматривается современное состояние проблемы «исторического пессимизма». Авторы рассматривают причины и следствия «анемии Европы», в XX веке фактически полностью утратившей свою пассионарность, вследствие чего возобладали пессимистические и эсхатологические настроения. В статье обосновывается тезис о том, что современный пессимизм по поводу возможности прогресса в истории был порожден двумя отдельными, но параллельными кризисами: кризисом политики XX столетия и интеллектуальным кризисом западного рационализма.

В XX столетии большинству стран земного шара выпала тяжелая и трагическая история. Наконец, век закончился. Началось новое тысячелетие, и становится ясно, что большинство проблем ушедшего века человечеством не только не было решено, но проблемы эти невероятно обострились и углубились именно в наше время. России же вообще выпала роль своеобразного полигона истории, на котором деятели разных мастей испытывали жизнеспособность своих идей и социально-политических теорий. Недаром великий Отто фон Бисмарк говаривал, что если кто-то захочет построить социализм, пусть выберет страну, которую для этого не жалко.

Потрясения для мира и для России продолжают. Как нельзя лучше к характеристике современной ситуации подходят следующие слова Г. В. Ф. Гегеля: «Мы стоим у ворот важной эпохи, времени брожения, когда дух движется вперед скачками, покидая прежнюю форму и обретая новую. Вся масса прежних представлений, понятий и связей, соединявших наш мир в единое целое, растворяется и распадается, как сновидение. Готовит себя новая фаза духа. И философия в особенности должна приветствовать ее появление, принять ее, пока другие, бессильно сопротивляясь ей, цепляются за прошлое» (лекция от 18 сентября 1806 г.) (1).

Современная Россия уже второй десяток лет пытается построить демократическое общество. Пока эти усилия напоминают потуги знаменитой троицы из басни Крылова, пытающейся сдвинуть с места воз. Само слово «демократия» для подавляющего большинства русского народа, подвергающегося невыносимым страданиям со стороны властей поддерживающих и чиновников всех мастей, давно стало ругательным. Вопреки громогласным уверениям властей об улучшении ситуации в стране, которые становятся все более лживыми и наглыми именно перед выборами, некогда великий народ русский вымирает, деградируя нравственно и физически.

Ситуация на политическом Олимпе в современной России все больше и больше напоминает пиры Валтасара. Власть стала абсолютно бесконтрольной. Моральный и интеллектуальный уровень «сильных мира сего» в нашей стране как бы сфокусировался в фигуре первого президента России. Этот человек, поднявшийся по ступеням советской государственной пирамиды, некогда клявшийся в верности марксизму-ленинизму, а затем в одночасье отрекшийся от этой идеологии, – что было в его душе, какими целями он руководствовался? Кто, наконец, были его хозяева?

В 1991 году свершилось событие, противоречившее нормам как международного, так и советского права. Вопреки референдуму, признавшему необходимость дальнейшего существования СССР, дельцы-политиканы различных национальностей, движимые ненавистью к государству, давшему им все, уничтожили нашу общую Родину. Народ русский вымирает, каждый год уходит из жизни более миллиона наших сограждан (что дает возможность властям хвастливо говорить об увеличении валового продукта на душу населения, ведь населения-то этого все меньше и меньше). Поэтому вполне правомерны современные раздумья ученых-гуманитариев о грядущем конце европейской истории, ибо процессы вымирания идут не только в истерзанной реформами России, но и в экономически благополучных Германии, Франции, Италии. Можно говорить об «анемии Европы», которая за годы своей тяжелейшей истории, наполненной эпидемиями, войнами и революциями, утратила свою «пассионарность», если использовать термин Л.Н. Гумилева. Вследствие чего наступает полномасштабное «пробуждение» Азии и Африки.

Неужели европейская цивилизация погибнет?! Неужели величайшая культура, ведущая свою родословную со времен Древней Греции, подвергнется «негроизации» или «пожелтеет», что неминуемо приведет ее к краху?! Все это не может не привести к историческому пессимизму.

му, следы которого все явственнее ощущаются в социально-философских и политологических исследованиях уже с 70-х годов ушедшего века. Современные интеллектуалы все чаще уподобляются философу-скептику Бротто из романа Анатоля Франса «Боги жаждут», который откровенно и печально-насмешливо наблюдал ужасы Французской революции, но, охваченный глубинным пессимизмом, понимал бесперспективность всякого реального действия...

Исторический процесс – это длящаяся во времени коллективная драма, действующими лицами которой являются крупные социальные общности – народы, классы, государства, цивилизации. И поскольку люди являются заинтересованными участниками этой драмы, их неизменно волнует вопрос: какова связь прошлого, настоящего и будущего, что ждет человечество впереди, есть ли какие-либо гарантии счастливого исхода надвигающихся трагических событий? Историческое объяснение должно разворачиваться на двух разных уровнях: уровне случайности частных событий и уровне необходимости измерений целого. Причем именно уровень случайности в истории чрезвычайно велик. Недаром Блез Паскаль иронизировал: «Если бы нос Клеопатры был покороче, лик земли был бы иным» (2).

Характер истории в целом, по нашему мнению, задан не какими-то сверхчеловеческими закономерностями – она такова, какой ее делают люди. Это не означает, что отсутствует заданность обстоятельств или институциональная заданность человеческого поведения. Но степень этой заданности варьируется. В стабильные эпохи, когда преемственность довлеет над импровизациями новых поколений, программируемость человеческого поведения выше. Но в переломные эпохи, когда механизм преемственности дает сбой, резко увеличивается роль личностного, морального фактора, приводящего к разнообразным случайностям и «шуткам истории» (скажем, называвший себя марксистом М.С. Горбачев даже уничтожил средствами надстройки, то есть своей политикой, сам базис советского общества – его экономику). Сколько раз массовые преступления пытались оправдать ссылками на особое время и чрезвычайные обстоятельства! Этический парадокс таких эпох можно сформулировать так: чем менее заданным, преемственным является человеческое поведение, тем большую роль играют личные, морально-психологические факторы и тем выше требования к качеству человеческого поступка.

Одним из ярких примеров такой переломной эпохи, по нашему мнению, является XX столетие – это время, которое превратило нас в глубоких исторических пессимистов.

Видимо, поэтому самые серьезные мыслители нашего времени заключили, что не существует такого понятия, как История, – т. е. осмысленного порядка в широком потоке событий, касающихся человечества. Это – еще одно проявление своеобразного «исторического пессимизма». Наш собственный опыт, по всей видимости, учит нас, что в будущем нас ждут новые и пока еще не представимые ужасы: от фантастических диктатур и кровавых геноцидов до банализации жизни из-за современного конsumerизма–и беспрецедентные катастрофы: от ядерной зимы до глобального потепления. По крайней мере, вероятность появления этих ужасов больше, чем их невозникновения.

Опыт XX столетия поставил под большой вопрос заявления о благостности прогресса, основанного на развитии науки и техники, так как способность технического прогресса улучшать людям жизнь в идеале должна быть неотделима от параллельного морального прогресса человека. Без этого мощь техники просто будет обращена на цели зла, и человечество станет хуже, чем было прежде. Тотальные войны XX века не были бы возможны, если бы не основные достижения промышленной революции: железо, сталь, двигатель внутреннего сгорания... А со времен Хиросимы человечество живет под тенью самого страшного достижения в истории: ядерного оружия. У фантастического роста экономики, возможность которого создала современная наука, есть и обратная сторона, поскольку этот рост привел к серьезным повреждениям окружающей среды во многих частях света и создал вероятность экологической катастрофы.

Болезненные события XX века послужили фоном и для глубокого кризиса мысли. Говорить об историческом прогрессе возможно, только если обладаешь знанием, куда идет человечество. В XIX веке думали, что прогресс – это прямолинейное движение в сторону демократии. Но в нашем столетии по этому вопросу уже нет консенсуса. Либеральной демократии бросили вызов два главных соперника – фашизм и коммунизм, предложившие, на первый взгляд, радикально различные, но в основе глубоко родственные взгляды на общественное устройство. Люди Запада тоже задумались, действительно ли либеральная демократия является великим чаянием всего человечества и не была ли вера в это проявлением узкого эгоцен-

тризма. Когда европейцы вынуждены были иметь дело с неевропейским миром, сначала в качестве колонизаторов, потом как покровители во время «холодной» войны и (теоретически) равноправные партнеры в мире суверенных национальных государств, они стали задаваться вопросом об универсальности собственных идей. Суицидальное саморазрушение в двух мировых войнах вскрыло ложность идей о преобладающей рациональности Запада. Следовательно, вместо единого направления движения истории вдруг открылось практически столько направлений, сколько существует на Земле народов и цивилизаций, и у либеральной демократии среди этих направлений не оказалось каких-либо ощутимых преимуществ.

Следует отметить, что Советский Союз был центром коммунистической системы, т. н. «социалистического лагеря». Ее целью было установление социализма, а затем и коммунизма во всем мире. Но крах СССР и та радость, с которой отвернулись от нас прежние друзья, показали, что система эта не имела никакой базы, кроме принуждающей к этому союзу силы советской державы. Мировая история разворачивалась как противостояние двух основных сил – социализма и капитализма, воздействие которых сказывалось не только на всех сколько-нибудь крупных международных конфликтах, но и на многих внутренних конфликтах. Так как Соединенные Штаты являлись центром «лагеря» капитализма, то ход мировой истории во многом определялся противостоянием СССР и США.

С крахом коммунизма и распадом Советского Союза одна из основных противоборствующих сил мировой истории исчезла, и можно сказать, что эта история приобрела иной смысл. Иногда даже говорят, что она пришла к своему концу. Это – еще одна причина исторического пессимизма.

«То, чему мы, вероятно, свидетели, – пишет Ф. Фукуяма, – не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной формы правления. Это не означает, что в дальнейшем никаких событий происходить не будет... ведь либерализм победил пока только в сфере идей, сознания; в реальном, материальном мире до победы еще далеко. Но имеются серьезные основания считать, что именно этот, идеальный мир и определит в конечном счете мир материальный». История была в гораздо большей мере насыщена событиями и эмоциями, чем постистория,

обещающая стать эпохой чистого расчета и прагматизма.

«Конец истории печален, – заключает Фукуяма. – Борьба за признание, готовность рисковать жизнью ради чисто абстрактной цели, идеологическая борьба, требующая отваги, воображения и идеализма, вместо всего этого – экономический расчет, бесконечные технические проблемы, забота об экологии и удовлетворение изощренных запросов потребителя. В постисторический период нет ни искусства, ни философии; есть лишь тщательно оберегаемый музей человеческой истории. Признавая неизбежность постисторического мира, я испытываю самые противоречивые чувства к цивилизации, созданной в Европе после 1945 г. с ее североатлантической и азиатской ветвями. Быть может, именно эта перспектива многовековой скуки вынудит историю взять еще один, новый старт?» (3)

Пессимизм двадцатого столетия составляет резкий контраст с оптимизмом предыдущего. Хотя девятнадцатый век Европы начинался в судорогах войн и революций, в основном это было столетие мира и беспрецедентного роста материального благосостояния. Газеты начала двадцатого века пестрели оптимистическими прогнозами на будущее человечества. Для такого оптимизма были две крепкие основы: 1) вера, что современная наука улучшает людям жизнь, победив бедность и болезни; природа же, давний противник человека, будет покорена современной технологией и поставлена на службу счастью людей; 2) надежда на распространение свободного демократического правления европейско-американского типа, захватывающего одну страну за другой.

Таким образом, в свете широкого наступления цивилизации даже кровавые войны вроде наполеоновских могли интерпретироваться историками и философами как социально прогрессивные по своим результатам, поскольку они влекли за собой распространение республиканской формы правления.

В целом множество теорий в то время выдвигались для объяснения того, каким образом история человечества составляет логическое целое и почему отклонения и повороты ее могут быть поняты как шаги к добру современной эры. В 1880 г. Р. Макензи писал: «История человечества – это летопись прогресса, летопись накопления знания и роста мудрости, постоянное движение от низшего уровня разума и процветания к высшему. Каждое поколение передает следующему унаследованные им сокровища, измененные к лучшему его собственным

опытом, обогащенные плодами всех одержанных им побед... Рост благосостояния человека подлежит теперь благому управлению великих законов Провидения» (4).

История именно XX в. явно противоположна такому пониманию истории и ходу исторического процесса. Своим крайним пессимизмом наше столетие, по крайней мере, частично, обязано той жестокости, которая присутствовала в явлениях современности. Первая мировая война явилась решающим событием, подорвавшим самоуспокоенность Европы. Конечно, война свергла старый политический порядок, который представляли монархии Германии, Австро-Венгрии, России и Турции, но куда сильнее был ее психологический эффект. Добродетели верности, трудолюбия, бережливости и патриотизма приводили людей на систематическую и бессмысленную бойню для истребления других людей, тем самым дискредитируя весь буржуазный мир, создавший эти ценности.

Как оказалось в дальнейшем, Первая мировая война была только предисловием к новым видам социального зла, которым предстояло вскоре возникнуть. Если современная наука открыла возможность создавать такое оружие разрушительной беспрецедентной силы, как пулемет и бомбардировщик, то современная политика создала государство беспрецедентной власти, для которого придумано и новое слово – тоталитаризм. Опираясь на действенные полицейские силы, массовые политические партии и радикальные идеологии, стремившиеся взять под контроль все аспекты человеческой жизни, эти государства нового типа рвались к осуществлению проектов колоссального честолюбия – их не устраивало ничего, кроме мирового господства. Ленин и Троцкий с нетерпением ожидали кроваво-красных колесниц мировой революции, старательно очищая Россию от тех, кто «социальным происхождением не вышел», а Гитлер и его окружение были одержимы мечтой создания расово чистого человечества. Имели место, по сути говоря, две формы расизма: так сказать, чистого (в Германии) и социального (у нас в России). Акты геноцида, осуществленные тоталитарным режимом в гитлеровской Германии и сталинской России, не имели прецедентов в мировой истории, и во многих отношениях лишь реалии технической цивилизации дали им возможность осуществляться. Следовательно, Гитлер и Сталин поставили на службу злу современную технику и современную политическую организацию.

Более того, в XX веке особенно интенсивно заговорили об оправданности социального

зла, если его применение потенциально ведет к благим целям. Таково определение зла в метафизике Лейбница: план Бога в отношении мира включает в себя точнейший подсчет разнообразных возможностей, поэтому некогда причиненное зло в один исторический промежуток неизбежно должно компенсироваться еще большим добром в другой. Но никакого реального доказательства такой компенсации нет, ибо зло можно непосредственно констатировать в пределах человеческого опыта, но подсчет добра, которое может это зло компенсировать, возможен только в бесконечном разуме. Отсюда следует, что только вера может утешаться тем, что добром где-то вознаграждают за зло, которое испытывается и явственно констатируется.

Современный пессимизм по поводу возможности прогресса в истории был порожден двумя отдельными, но параллельными кризисами: кризисом политики XX столетия и интеллектуальным кризисом западного рационализма. В результате первого десятки миллионов людей погибли, а сотни миллионов были принуждены жить под гнетом нового и более грубого рабства; второй лишил либеральную демократию интеллектуальных ресурсов самозащиты. Эти последствия взаимосвязаны и не могут быть поняты отдельно друг от друга. С одной стороны, недостаток интеллектуального консенсуса придал войнам и революциям XX столетия более идеологический, а потому более экстремальный характер, чем тот, который был бы в противном случае. С другой стороны, ожесточенность этих конфликтов с идеологической подоплекой и страшные их результаты оказали уничтожающее действие на самоощущение либеральных демократий, чья изоляция в мире тоталитарных и авторитарных режимов породила серьезные сомнения в универсальности либерального понятия права.

Недаром после Второй мировой войны появились сверхпессимистические идеи Т. Адорно и М. Хоркхаймера, которые в книге «Диалектика Просвещения», используя идеи Г. Лукача, М. Хайдеггера и М. Вебера, нарисовали страшную и фантазмагорическую картину цивилизации. Субъект Нового времени предстает в ней как тиран и насильник, который глумится над матерью-природой и уничтожает ее с помощью добытого им эмпирического знания и созданной на основе этого знания индустрии. Но природа не открывает тирану свои тайны, даже будучи поднятой на дыбу. Тиран думает, что узнал все от истерзанной жертвы, но он глубоко ошибается. Природа мстит своему сыну-предателю,

превращая его в бездушный автомат. И автомат этот может создать лишь такую цивилизацию, символом которой явятся концлагеря и газовые камеры, ибо они – предельное воплощение принципа организованности, рациональности и «калькулируемости». По мнению авторов «Диалектики Просвещения», все это – логическое воплощение идеала Нового времени, сформулированного Ф. Бэконом как «знание – сила».

События же второй половины XX века развиваются в неожиданном и несколько другом ключе. Входя в 90-е годы, мир в целом не выявил новых проявлений зла, но стал лучше в некоторых различных смыслах. Главным среди сюрпризов, случившихся в недавнем прошлом, был почти полностью неожиданный крах коммунизма в Европе в конце 80-х. Но такой поворот событий – это лишь элемент более масштабного процесса, развернувшегося после Второй мировой войны. Авторитарные диктатуры всех видов, правые и левые, рушились. В некоторых случаях они освободили место процветающим и стабильным демократиям, в других на место авторитаризма приходила нестабильность и иная форма диктатуры. Но вне зависимости от того, возникала или нет либеральная демократия, авторитаризм всех мастей испытывал во всем мире серьезный кризис. В первую треть XX столетия главной политической новацией явилось создание сильных государств – тоталитарных Германии и России; последние наряду с огромной мощью демонстрировали и неимоверную слабость в самом ядре своей собственной структуры. И главная слабость, а не только сила тоталитаризма – это необходимость вождя. Тоталитаризм во многом невозможен без сильной личности харизматического толка. Уйдет такая личность – и многое в государстве изменится.

В лице тоталитарных государств западный мир потерял врагов. Не на кого стало кивать и обвинять в собственных проблемах. Стало на некоторое время спокойно: Россия агонизировала, и поэтому особо интенсивно и с особым мазохистским удовольствием заговорили о «конце истории». Но, думается, что конца истории как такового не предвидится. Пророки такого «конца» опасались, что человечество ожидает лишь скучный экономический расчет, бесконечные технические проблемы, забота об

экологии и удовлетворении изолированных запасов потребителей. Никто уже не станет бороться за признание, рисковать жизнью ради чисто абстрактной цели, вступать в идеологическую битву, требующую отваги, воображения и идеализма. Всех нас ожидает перспектива «многовековой скуки».

Утопическая концепция Фукуямы не выдерживает критики перед лицом обострившихся национальных, экономических и политических кризисов XX века. В современном мире активно развивается множество форм национализма, авторитаризма, рыночного коммунизма, корпоративизма, религиозного фундаментализма. Так что «скупать» человечеству не придется.

В наше время, на рубеже веков, был назван новый враг демократии – терроризм. Американцы заголосили об этом после событий 11 сентября 2001 года, когда умелые самолеты-убийцы «взрезали» две высочайшие в мире манхэттенские башни, эти человеческие муравейники. Само это преступление стало своеобразным произведением искусства, равно как были ими и уничтоженные башни, и самолеты-камикадзе. Но главный враг демократии западного образца, пытающейся все «причесать» под свою гребенку, – это, наверное, как это ни парадоксально, она сама. И выхода из сложившейся ситуации пока не видно, что также не может не внушать определенный пессимизм.

В наш донельзя рационалистичный век религия в незападных культурах по-прежнему остается центральной силой, мотивирующей поступки и мобилизующей людей. В конфуцианской, буддийской, индуистской, исламской культурах почти не находят поддержки основополагающие западные идеи индивидуализма, свободы, отделения церкви от государства, равенства, прав человека. Пропаганда этих идей вызывает враждебную реакцию против «империализма прав человека» и приводит к укреплению исходных ценностей родной культуры. Современные политики и правительства, пытаясь добиться поддержки населения, все реже апеллируют к политическому сознанию, все чаще обращаются к общности религиозных и культурных ценностей. Может быть именно в этом – перспектива выхода из очередного кризиса.

Поэтому, несмотря на пророчества Фукуямы, история пока продолжается...

Список использованной литературы:

1. Hegel G. W. F. Dokumente zu Hegels Entwicklung zusammengestellt bei J. Hoffmeister. Stuttgart, 1936. S. 184.
2. Паскаль Б. Мысли. М., 1995. С. 184.
3. Фукуяма Ф. Конец истории // Философия истории. Антология. М., 1999. С. 87.
4. Цит. по: Gollingwood R. G. The idea of history. New York University Press, 1956. p. 243.